

германского вопроса, главным образом границы Германии и возможное расчленение ее, были подвергнуты обсуждению во время двусторонних встреч глав правительств СССР, США, Англии и Франции на совещании Рузвельта и Черчилля в Квебеке, встрече Черчилля с де Голлем в Париже, в ходе визитов Черчилля и де Голля в Москву [2, с. 106].

2 декабря 1944 г. в беседе со Сталиным де Голль высказался за обеспечение в будущем безопасности Франции со стороны Германии. По его мнению, для этого необходим реальный географический барьер. Де Голль отметил, что если бы Рейнская область была отделена от Германии и присоединена к Франции, то такое решение очень бы устроило французов [3, с. 162]. Для бассейна Рура предлагалось установить не французский, а международный режим. В довоенной франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г. подчеркивалось, что между этими странами «не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и <они> торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время», теперь же Франция имела свои виды на германские территории [1, с. 136]. Кроме возвращения Эльзаса и Лотарингии, Францию волновал принципиальный вопрос о возможности контроля над Руром и Сааром – небольшими районами германской территории, обладающими богатыми угольными месторождениями, важными металлургическими заводами и имеющими огромный военный потенциал. Но поскольку союзниками на Потсдамской конференции (17 июля–2 августа 1945 г.) было принято решение о сохранении единой, экономически целой, нерасчлененной Германии, французские претензии в русле политики СССР, США и Великобритании отстранялись на второй план. Несмотря на это, в результате деления британской и американской зон, Франция получила зону оккупации на юго-западе Германии, включающую в себя Рейнскую область и Саар. Рурский угольный бассейн вошел в зону британской оккупации.

Нельзя не отметить, что Франция в период окончания войны и после нее играла второстепенную роль в мировой политике и в германском вопросе, в частности, что вполне объяснимо с точки зрения союзников. Франция – страна, побежденная и фактически капитулировавшая в этой войне, практически не имела шансов для участия в «разделе мира» наряду с державами-победительницами. И только активная деятельность Французского Комитета Национального Освобождения и генерала де Голля позволила ей получить свою долю компенсации и до определенного уровня восстановить свое влияние в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. – Т.1. -М.: Политиздат, 1990. -С.136.
2. Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944-1945 гг. / Г.П. Кынин // Новая и новейшая история. – 1995. - №4. –С.111.
3. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945гг.- Т.2. -М.: Политиздат,1983.- С. 133.
4. Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов / Сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. – 2-е изд. – М.: Издательство «Международные отношения», 1970. -С.196.
5. Черчилль У. Вторая мировая война/ У. Черчилль. – Т.6.-М.: Воениздат, 1991.- С.465.

ГИПОТЕЗА *GRANDDESIGN* В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Ковяко И.И. (г. Минск, Беларусь)

Изучение послевоенной германской политики великих держав в зональный период неслучайно занимает особое место в англо-американской историографии. Решения, принятые великими державами по германскому вопросу в данный период, определили рабочие рамки европейской политики СССР и США вплоть до 1990 года. Одним из вопросов, который выносятся на обсуждение в работах британских и американских исследователей, является гипотеза *GrandDesign* (*великого проекта*) в германской политике СССР в 1945–1949 гг.

Представители консервативного направления традиционно уделяют особое внимание наличию у СССР *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии. Анализируя развитие германского вопроса в зональный период, они придерживаются основных положений геополитического реализма. Очевидно, что поражение Германии во Второй мировой войне создало вакуум силы в Центральной Европе. Однако ни один вакуум силы не может существовать на протяжении длительного времени, он неизбежно будет заполнен новой силой. В послевоенные годы СССР ввиду своего положения имел возможность заполнить вакуум в Центральной Европе и установить континентальное господство. Старые европейские державы, такие как Великобритания и Франция были слишком ослаблены, чтобы создать противовес советской мощи. В такой ситуации США, согласно консервативным историкам, были вынуждены взять на себя функции сдерживания коммунизма в Европе [1, с. 286; 6, с. 111; 14, с. 119].

Консервативные историки считают, что германская политика СССР первоначально была основана на долгосрочном плане. К элементам советского *GrandDesign* консервативные историки относят постепенное усиление влияния социалистов и коммунистов в восточной зоне, углубление экономического кризиса в Германии,

нарастание социальной напряженности и, наконец, объединение всех зон под властью правительства левых партий. Таким образом, окончательная цель *GrandDesign* – вхождение всей Германии в сферу влияния СССР без прямого столкновения с западными союзниками.

Следуя гипотезе *GrandDesign*, консервативные историки анализируют репарационную политику Москвы как преднамеренную попытку вызвать глубокий социально-экономический кризис в Германии и спровоцировать возникновение революционной ситуации. Они рассматривают первый Берлинский кризис как стремление СССР расширить свое влияние на континенте и прервать процесс формирования структур западногерманского государства. Блокада Берлина, с точки зрения консервативных историков, являлась частью *GrandDesign* СССР в отношении всей Европы. Показательным в данном отношении представляется анализ валютной реформы в Берлине. Ссылаясь на архивные документы, исследователи отмечают, что изначально западные страны не планировали вводить новую валюту в Берлине, поскольку стремились учитывать интересы СССР. Лишь появление новой валюты советского образца во всех секторах города вынудило их пойти на ответные меры. Предполагается, что И.В. Сталин санкционировал введение новой валюты с целью экономической и политической интеграции всех секторов Берлина в восточную зону. Успех такого шага мог открыть путь к разрешению германского вопроса на условиях СССР. Следовательно, уступки Запада по берлинскому вопросу были неприемлемыми. С точки зрения консервативных историков, атомная монополия США сделала агрессию со стороны СССР невозможной и способствовала завершению Берлинского кризиса на благоприятных для Запада условиях. К числу положительных последствий блокады исследователи относят военно-политическое объединение стран Запада в рамках НАТО, а также последующую интеграцию ФРГ в западные структуры [1, с. 313; 15, с. 75].

Гипотеза *GrandDesign*, однако, находит поддержку далеко не во всех работах британских и американских исследователей. Отражением иной позиции являются работы историков-рационалистов, которые склонны отрицать наличие у СССР *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии. Рационалистическое направление сформировалось в британской исторической науке под влиянием рационалистической теории международных отношений. В отличие от консервативного подхода, рационалисты делают акцент на необходимости международного диалога и сотрудничества. При изучении исторических фактов и явлений они считают необходимым анализировать действия всех сторон с учетом их собственных интересов [9, с. 9].

Историки-рационалисты полагают, что различие интересов и идеологий великих держав на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы вынудило союзников выработать законодательную и дипломатическую основу для разграничения сфер влияния Германии и Европе. В условиях холодной войны это позволило предотвратить конфликт между сверхдержавами. В отличие от консерваторов, рационалисты отрицают наличие у великих держав, в том числе у СССР, *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии [2, с. 162; 4, с. 18; 5, с. 13; 12, с. 467]. С их точки зрения, политика союзников в зональный период была в значительной мере основана на импровизации и реакции на действия другой стороны. Как писал в 1950 г. генерал Армии США в отставке Л. Клей: «Мне до сих пор сложно поверить, что СССР в то время имел четкие цели в Европе» [3, с. 19].

Представители рационалистического направления отмечают, что эволюция советской мысли в отношении будущего Германии в 1945–1949 гг. не следовала определенной траектории. Когда закончилась мировая война, у СССР не было готового ответа на германский вопрос. В первые послевоенные годы при проведении оккупационных мероприятий в советской зоне экономические цели превалировали над политическими. Историки-рационалисты прагматически подходят к оценке репарационной политики СССР, рассматривая ее как успешную в деле внутреннего восстановления страны [11, с. 595; 13, с. 307]. В 1949 г. американский исследователь Д. Миддлтон, отмечая бедственное положение белорусских и украинских земель после окончания войны, указывал на предсказуемость и объективную необходимость довольно жесткой репарационной политики СССР в Германии [10, р. 66].

При изучении блокады Берлина историки-рационалисты сходятся во мнении, что она стала ответом СССР на действия Запада по созданию ФРГ. Инициатива советской стороны рассматривается как прагматический шаг, предпринятый в ответ на решения Лондонской конференции западных держав по формированию западногерманского правительства. Первый Берлинский кризис квалифицируется как «дипломатическое приключение» И.В. Сталина, которое не было составной частью *GrandDesign* [7, с. 204; 8, с. 146]. Рационалистическое направление заметно усилилось в британской и американской историографии после объединения Германии и распада СССР. В научный оборот были введены многочисленные архивные документы СВАГ (фонды ГАРФ и РГАСПИ), которые свидетельствовали в пользу доводов историков-рационалистов и не подтверждали гипотезу о наличии у СССР *GrandDesign*.

В заключение необходимо отметить, что историки двух направлений сходятся во мнении относительно желания СССР установить контроль над всей послевоенной Германией. Однако консерваторы выражают уверенность в существовании советского *GrandDesign*, в то время как рационалисты отрицают его наличие в германской политике СССР. Исследователи рационалистического направления склонны анализировать советскую политику в Германии как ответную на действия западных союзников. Стратегическая важность Германии для СССР была отмечена в свое время еще В.И. Лениным. Он назвал это государство принципиальным звеном в цепи революций и выдвинул тезис «Кто владеет Германией, тот владеет Европой» [10, с. 72]. В первые послевоенные годы этот тезис приобрел особую актуальность, однако отсутствие продуманного *GrandDesign* не спо-

собствовало достижению контроля над всей Германией. Зональное разделение углублялось и постепенно привело к возникновению двух немецких государств.

Сорок лет спустя, в 1989–1990 гг., тезис В.И. Ленина о стратегической значимости Германии был позабыт, и последствия этой забывчивости оказались еще менее благоприятными для Советского Союза. В переломный исторический момент руководство страны оказалось не готово предоставить оперативный ответ на острый германский вопрос. Советский *GrandDesign* в отношении единой Германии отсутствовал. В результате объединенная ФРГ, а затем и значительная часть бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы вошла в экономические и военно-политические структуры западного мира. Старый тезис «Кто владеет Германией, тот владеет Европой» доказал свою актуальность в новых реалиях постбиполярной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Botting, D. From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949 / D. Botting. – New York: Crown Publishers, 1985. – 341 p.
2. Calleo, D. The German problem reconsidered / D. Calleo. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 239 p.
3. Clay, L. Germany and the fight for freedom / L. Clay. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1950. – 83 p.
4. Davidson, E. The death and life of Germany. An Account of the American occupation / E. Davidson. – New York: Alfred A. Knopf, 1959. – 422 p.
5. Fulbrook, M. Interpretations of the two Germanies, 1945–1990 / M. Fulbrook. – London: Macmillan, 2000. – 114 p.
6. George, A., Smoke, R. Deterrence in American foreign policy / A. George, R. Smoke. – New York: Columbia University, 1974. – 666 p.
7. Gimbel, J. The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945–1949 / J. Gimbel. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – 335 p.
8. Judt, T. Postwar. A history of Europe since 1945 / T. Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
9. Lewkowicz, N. The German question and the international order, 1943–1948 / N. Lewkowicz. – London: Palgrave Macmillan, 2010. – 253 p.
10. Middleton, D. The struggle for Germany / D. Middleton. – Indianapolis; New York: Bobbs-Merrill, 1949. – 304 p.
11. Mosely, P. The occupation of Germany. New light on how the zones were drawn / P. Mosely // Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – №4. – P. 580–604
12. Naimark, N. The Russians in Germany. A history of the Soviet zone of occupation, 1945–1949 / N.M. Naimark. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1996. – 586 p.
13. Nettle, P. German reparations in the Soviet zone / P. Nettle // Foreign Affairs – 1951. – Vol. 29. – №2. – P. 300–307
14. Slusser, R. Soviet policy and the division of Germany, 1941–1945 / R.M. Slusser // The impact of World War II on the Soviet Union / Ed. by S.J. Linz. – Irvine: Rowman&Allanheld, 1985. – P. 107–125
15. Smyser, W.R. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W.R. Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1945–1949 ГГ. В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Попов И.Д. (г. Вологда, Россия)

После Второй мировой войны наблюдается существенный рост политического значения регионов и их конституирование в качестве основы для новой демократической государственности. В крепкой земельной власти были отчасти заинтересованы и оккупировавшие Германию союзники, которые стремились, во-первых, путём децентрализации избежать возможности восстановления национал-социализма; во-вторых, сформировать новую руководящую элиту из самих немцев, допуская её первоначально лишь к региональному управлению. В постсоветский период было накоплено значительное количество исследовательских работ, которые в той или иной степени затрагивают региональное развитие [13, с. 49-50]. Далее будут представлены наиболее дискуссионные проблемы региональной политики периода союзнической оккупации.

Узловым предметом дискуссии является вопрос о причинах устойчивости федеративной модели Западной Германии. А. А. Ахтамзян связывает это с многовековой традицией, прерванной при национал-социализме [1, с. 88]. В свою очередь Н.В. Павлов объясняет это преимущественно послевоенными факторами. К таковым он относит, во-первых, опыт диктатуры, вызвавший стремление союзников и самих немцев выстроить демократические принципы управления на всех уровнях; во-вторых, новую, во многом случайную «нарезку» земель и ликвидацию Пруссии как очага милитаризма [11, с. 56]. М.А. Мурашов в качестве ключевого послевоенного фактора устойчивости федеративной модели рассматривает переговоры между политическими партиями и считает это устройство исключительно достижением послевоенных партий, выросшим в результате столкновений с оккупационными властями, внутри- и межпартийных дискуссий [8, с. 223, 226-228]. И.М. Бусыгина стабильность федерализма в Западной Германии обосновывает длительными традициями регионализации и политикой союзников, которые в качестве императива навязали это устройство, ставшее «инструментом создания... ослабленного, «неопасного» немецкого государства». [3, с. 112, 119]. Т. А. Некрасова, помимо влияния союзников, особое внимание обращает на внутренние предпосылки состоятельности федеративной модели, к